

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Е. Г. Серебрякова

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методическое пособие

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

Утверждено научно-методическим советом факультета философии и психологии 29 января 2020 г., протокол № 1400-01

Рецензент – кандидат филологических наук, доцент С. Н. Гладышева

Учебно-методическое пособие подготовлено на кафедре истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для магистрантов 1-го года очной формы обучения факультета философии и психологии (магистерская программа «Философия креативности и культурные индустрии»).

Для направления 47.04.01 – Философия
Б1.В.02

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	5
Тема 1. «Возвращенная» литература как феномен художественной жизни 1980–1990-х годов.....	7
Литература русского зарубежья	7
Тема 2. Тема эмиграции в литературе русского зарубежья III волны (С. Довлатов «Иностранка»)	7
Образ Марии Татарович как образ-двойник героя-рассказчика повести «Иностранка»	8
Тема 3. Изображение массового сознания эмигранта IV волны в рассказе Л. Улицкой «Цю-юрихь»	10
Л. Улицкая о типологии эмиграции	10
Тема 4. Роман-воспитание на «советскую» тему (А. Варламов «Душа моя Павел»)	12
Автор о романе	12
Тема 5. «Странная» война в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный»	15
Проблематика рассказа.....	15
Тема 6. Трагедия национальной войны в романе В. Медведева «Заххок» ...	17
Автор о романе	17
Тема 7. Тема всеобщей разобщенности в повести В. Токаревой «Своя правда»	20
Специфика поэтики В. Токаревой.....	20
Тема 8. Проблема национальной идентичности в повести А. Галиевой «Салам тебе, Далгат!».....	21
Автор о кавказской теме в литературе и своем творчестве.....	22
Тема 9. Человек и время в сборнике З. Прилепина «Грех»	28
Система ценностей главного героя	28

Тема 10. Буржуазная действительность и патриархальная идиллия в повести Б. Екимова «Предполагаем жить»	30
Конфликт и сюжет в повестях Б. Екимова	30
Тема 11. Мир тотальной симуляции в романе В. Пелевина «Generation П»	32
Человек и мир в романе	32
Тема 12. Картина мира и человека в романе А. Волоса «Недвижимость» ...	34
Проблематика романа	34
Тема 13. Герой поступка в современном историко-приключенческом романе (А. Геласимов «Роза ветров»).....	36
Автор о романе	36
Тема 14. Мир чувств современного «маленького человека» (А. Слаповский «Любовь по-нашему»)	38
Писатель о трактовке темы любви в современной литературе.....	38
Тема 15. «Новый реализм» (Р. Сенчин «Афинские ночи»)	39
Литературные критики о прозе Р. Сенчина.....	39
Тема 16. Проблема творчества в романе С. Гандлевского «<НРЗБ>»	41
История самообмана главного героя.....	41

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная дисциплина «Современная литература» относится к вариативной части дисциплин ФГОС ВО по направлению подготовки 47.04.01 – Философия (магистерская программа «Философия креативности и культурные индустрии») и рассчитана на один семестр.

В качестве ведущей **цели** дисциплины выступает теоретическая и практическая подготовка магистранта в области исследования современного литературного процесса. Цель диктует основные **задачи**:

- сформировать систему знаний в области современного литературного процесса;
- познакомить студентов с основными закономерностями и тенденциями современного литературного процесса;
- обнаружить художественную новизну современной литературы;
- выявить традиционные и новаторские свойства в сравнении с советской литературой;
- осмыслить литературный процесс в контексте современной социокультурной ситуации;
- развить потребность в гуманистическом, креативном подходе к профессиональной деятельности в сфере культуры.

В пособии сочетаются традиционный тематический подход к историко-литературному процессу с обращением к эстетическим системам, развивающимся в современной литературе (постмодернизм, реализм). Это создает целостное представление о литературном процессе и углубляет понимание основных художественных тенденций современности. В издании представлены вопросы для обсуждения на семинарских занятиях, дополненные критической литературой по данной теме.

В результате освоения дисциплины «Современная литература» у студентов должны быть сформированы элементы компетенций:

ОК-3 – готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала, в части **знаний** – осознание личных профессиональных качеств, **умений** – использование творческого потенциала в решении профессиональных задач, **владений** навыками саморазвития, саморегуляции;

ПК-2 – владение методами научного исследования, способность формулировать новые цели и достигать новых результатов в соответствующей предметной области, в части **знаний** основных проблем и направлений современной научной литературы, **умений** формулировать новые цели исследований, **владений** навыками достижения научно-исследовательских результатов.

На изучение учебной дисциплины отведено 48 аудиторных часов (16 лекционных, 32 практических) и 24 часа самостоятельной работы. Объем в зачетных единицах/часах в соответствии с учебным планом – 2 ЗЕТ / 72 часа.

ТЕМА 1. «Возвращенная» литература как феномен художественной жизни 1980–1990-х годов

Вопросы для обсуждения

1. Отмена цензуры и «восстановление в правах» запрещенных авторов.
2. Обогащение литературы за счет отечественных писателей, изъятых из художественного процесса.
3. Литература русского зарубежья. Этапы, имена.

Литература русского зарубежья

Литература русского зарубежья – ветвь русской литературы, возникшей после 1917 г. и издававшейся вне СССР и России. Различают три периода, или три волны русской эмигрантской литературы. Первая волна – 1918 г. до начала Второй мировой войны, оккупации Парижа – носила массовый характер. Творчество писателей первой волны (И. Бунина, И. Шмелева, А. Ремизова, А. Куприна, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Осоргина, Д. Набокова, Г. Газданова и др.) имеет наибольшее культурное и литературное значение. Вторая волна возникла в конце Второй мировой войны (И. Елагин, Д. Кленовский, Л. Ржевский, Н. Моршен, Б. Филлипов). Третья волна началась после хрущевской «оттепели» и вынесла за пределы России крупнейших писателей (А. Солженицын, И. Бродский, С. Довлатов и др.).

Литература русского зарубежья // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazova_nie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHYA.html (дата обращения: 16.01.20).

Тема 2. Тема эмиграции в литературе русского зарубежья III волны (С. Довлатов «Иностранка»)

Вопросы для обсуждения

1. Изображение массового сознания эмигранта: герметизм, узость мышления, «советская» система ценностей как причина сложности адаптации к американскому образу жизни.

2. Социальная маргинальность главной героини как результат сохранности культурной идентичности.

3. Отношение автора к героине.

Образ Марии Татарович как образ-двойник героя-рассказчика повести «Иностранка»

<...> можно сказать, что образ Марии Татарович есть не что иное, как образ-двойник самого героя-рассказчика. Судьба Маруси – женский вариант жизненной судьбы мужского персонажа довлатовской прозы (Довлатова, Далматова, Алиханова). <...> Маруся и Борис – гендерные варианты одного художественного типа, одного типологического жизненного инварианта. В биографическом плане Маруся и Довлатов – оба эмигранты. Но внешне-биографическое «сходство» этим и исчерпывается: Маруся из Москвы, Довлатов – из Ленинграда. Героиня жила и воспитывалась в благополучной «номенклатурной» семье, детство и юность героя-Довлатова (опираясь на текст «Зоны») проходили «заурядно» и «предвещали обычную советскую биографию». <...> Если детство и ранняя юность героев не выявляют родства и единства, то <...> ментальные слагаемые жизни Маруси и героя-Довлатова обнаруживают удивительное единство и родство. И прежде всего в отношении к эмиграции. <...> Так, оказавшись за границей, в эмиграции, в новой для них стране, оба персонажа ощущают себя чужими (доминантный мотив всей прозы Довлатова). И если для думающего, мыслящего, аналитически настроенного героя этот лейтмотив органичен, то в случае с Марией он может показаться избыточным, надуманным. <...> Творческая личность Маруси, подобно герою-Довлатову, может абстрагироваться от реальности, дистанцироваться от происходящего, воспринимает абсурдность и алогизм мира на уровне театра <...>. Так, Нью-Йорк для Маруси был «происшествием, концертом, зрелищем». Или, оказавшись рядом с сотрудниками посольских служб, Мария переживает «театральное чувство»: «У Маруси сразу же возникло ощущение театра, зрелища, эстрадной пары. Жора был веселый, разбитной и откровенный. А Балиев – по контрасту – хмурый, строгий и неразговорчивый. При этом между ними ощущалась согласованность, как в цирке». Сравнение «как в цирке» разоблачает прими-

тивно-банальную игру функционеров-персонажей, но и становится акцентом в характере героини-эмигрантки, по-своему неглупой, умеющей почувствовать фальшь и обман. <...> Родство персонажей Маруси и Довлатова-героя акцентировано рядом психологических деталей и внутренних сквозных мотивов, в том числе интертекстуальных. Причем эти детали, как нередко бывает у Довлатова, ориентированы на самоиронию. <...> В эпизоде с улетевшим попугаем Лоло отчаявшаяся Муся «вынула из холодильника бутылку рома» и «сказала вслух»: «Напьюсь... жизнь кончена...».

Однако наибольшего сходства alter ego герои достигают во внутренних сомнениях и терзаниях, в оценках себя и собственных поступков, в философии эмиграции. <...> Героиню Довлатова, как и его героя, мучит вопрос предпринятой ею эмиграции, ее смысла, оправданности, перспектив и итогов. В ранних довлатовских повестях герои с сомнением относились к эмиграции и эмигрантам. Так, в «Заповеднике» Алиханов говорил о «пораженцах», об «ущербном таланте» Набокова. В «Филиале» Ковригин именовал всех собравшихся на симпозиуме «банкротами», сам Далматов определял себя в разговоре с дочерью как «обыкновенного жалкого эмигранта». Маруся в «Иностранке» подхватывает и продолжает эту «низвергающую» линию. В одном из диалогов она так характеризует пребывание в эмиграции: <...> «Ты посмотри вокруг. Я говорю о наших эмигрантах. Они же все – командированные, т. е. люди приземленные, как и командированные в СССР, ограниченные в средствах и возможностях, в мечтах и представлениях. <...> Героиня (как и герой Довлатова) пытается понять других и себя. Через других постичь себя. <...>

Персонажи не любовники, но друзья. Точнее – люди, хорошо понимающие друг друга, персонажи-двойники. Иными словами, образ Маруси Татарович есть «женский вариант» мужского персонажа Довлатова (Алиханова, Далматова, Довлатова). Автоинтертекст <...> позволяет писателю расширить образ автопсихологического персонажа. Те суждения и поступки, которыми по ряду причин Довлатов не мог наделить вдумчивый мужской персонаж, были переадресованы легкомысленному женскому персонажу, Марусе Татарович <...>. Те глубинно психологические суждения, которые не могли прорваться в речи мыслящего и контролирующего себя

мужского персонажа, были упрощены и уплощены посредством образа не очень умной и не очень эрудированной героини, но в своей спонтанности и непоследовательности успевающей произнести то, что не решался произнести вслух авторский персонаж. <...>

Образ Маруси не карикатурен, но самоироничен, подвержен разоблачающей самооценке и саморефлексии <...>. Образ женского двойника героя Довлатова позволяет художнику углубить психологическую составляющую центрального образа, наделить его новыми гранями и психологическими нюансами. <...>

Власова Е. А. Автоинтертекстуальность в повести «Иностранка» С. Довлатова / Е. А. Власова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 8. – С. 26–29.

Тема 3. Изображение массового сознания эмигранта IV волны в рассказе Л. Улицкой «Цю-юрихь»

Вопросы для обсуждения

1. Потребительская система нравственных ценностей Лидии.
2. Эмиграция как способ достижения жизненных целей главной героини.
3. Культурная мимикрия как механизм социальной адаптации.

Л. Улицкая о типологии эмиграции

<...> история эмиграции заслуживает того, чтобы посмотреть, как она вообще устроена и что за стратегии у эмиграции были с давних времен. <...> Сегодня мы прекрасно знаем, что эмиграция – травматический процесс. И очень мало кто из эмигрантов прошел этот процесс без травмы. Обычно это более или менее глубокая травма. Однако о преимуществах, которые дает эмиграция, говорят как-то меньше. Вот мы сейчас попробуем пройти по этой ситуации. Я никогда не эмигрировала, но огромное количество моих друзей эмигрировали, начиная с 1970-х годов, в разные страны – это и Америка, и Европа, и Израиль. Тогда, в те годы, эмиграция – это был отъезд навсегда, это прощание навеки, это такие метафорические похороны.

Но времена изменились, и мы снова стали видеться с людьми, которых не видели по двадцать и больше лет. Дело в том, что эмиграция – это политический процесс. В него включается получение бумаг, гражданства или вида на жительство, формальный, но политический процесс.

Какие же мы рассматриваем, грубо говоря, виды эмиграции? Полная осознанная эмиграция. Пример ее – американская эмиграция, скажем, из России. Когда люди приезжают в новую страну, им очень хочется быстрее освоить это пространство, эту культуру, этот язык. И они с большим или меньшим успехом это делают. Это эмиграция навсегда: человек уезжает из своей страны и полагает, что там его новое место жительства и место жительства его семьи. Есть вариант второй – это принцип временного пребывания. <...> наиболее яркий пример такого рода – это белая эмиграция из России. Это люди, которые уезжали с тем, чтобы пережить времена этой нелепой власти. <...> Белые эмигранты, уезжая из России, предполагали, что их дети вернутся, а может, даже и они вернутся. И третий тип – это такое бикультурное сотрудничество, без отказа от национальной идентичности. Это случай достаточно редкий. Ну вот, скажем, яркий пример, очень характерный для этого типа эмиграции, – это мой учитель, который у меня преподавал когда-то. Это Тимофеев-Ресовский – замечательный генетик, который до войны поехал на работу в Германию. Это было абсолютно официальное приглашение, он официально работал там. <...> он всегда оставался русским человеком, с подчеркнутым, я бы сказала, русизмом. Он прекрасно знал и русскую литературу, и русскую культуру и несколько этим даже бравировал. Вот это был достаточно редкий случай третьего рода эмиграции – эмиграции без отказа от национальной идентичности. У него не было желания стать немцем, войти в немецкую культуру. Он прекрасно знал немецкий и был вообще образованным человеком. <...>

Как кончается эмиграция? Она обычно кончается в третьем поколении. <...> По сей день я знаю в Париже потомков белоэмигрантов, которые еще как-то тянут русский язык, но, в общем, он кончается. <...>

Сейчас появился какой-то совершенно новый тип эмиграции, которого прежде не было. Его даже трудно назвать эмиграцией. Я его в своих ис-

следованиях назвала «эмиграция 3+». Это абсолютно новое качество людей. Это люди, которые, как правило, преследуют единственную цель – они ищут правильное место для работы. Поскольку сегодня огромные сектора человеческой деятельности приобрели планетарный характер, то это люди, которым все равно, где работать. И предпочитают они работать там, где у них лучше условия для работы. Это, скажем, такие области, как вся наука, в особенности фармакология. <...> Есть такие зоны искусства, которые абсолютно внеязыковые. Есть музыка, есть изобразительное искусство. Это все – вещи планетарные. <...> Умберто Эко называет это метизацией культуры. Но, кроме метизации культуры, происходит еще один процесс – метизация населения. Потому что людей, в жилах которых течет не одна кровь, а две и более, становится все больше и больше, – это понятно. Потому что планетарность, которая буквально захватывает мир, касается совершенно всех стран.

Улицкая Л. Человек и его статус. От национального – к планетарному / Л. Улицкая // Livejournal. – 2017. – 12 марта. – URL: <https://philologist.livejournal.com/9156394.html> (дата обращения: 16.01.20).

Тема 4. Роман-воспитание на «советскую» тему (А. Варламов «Душа моя Павел»)

Вопросы для обсуждения

1. Идеальный герой в реальных обстоятельствах советской действительности: нравственные испытания и духовное взросление Павла.
2. «Советское» и «антисоветское» в сознании друзей Павла
3. «Русское» и «советское» в аксиологии автора и героя.

Автор о романе

Корреспондент газеты «Культура»: – Заглавие «Душа моя Павел» – пушкинское. Так поэт начал шутливую «нравоучительную» запись в альбом сына Петра Вяземского. Вспомните всю цитату?

Алексей Варламов: – «Душа моя Павел, / Держись моих правил, / Люби то-то, то-то, / Не делай того-то. / Кажись, это ясно. / Прощай, мой прекрасный».

<...> А вообще история Павла достаточно локальная. Основное действие романа разворачивается в течение одного месяца в деревне. Время – осень 1980-го. Важная точка в истории СССР, когда стало окончательно ясно, что советская мечта рухнула. Ведь, согласно программе КПСС, именно на этот год намечался переход от социализма к коммунизму, но, как шутили в анекдоте, вместо коммунизма провели Олимпиаду. Удивительный период: официальной риторике почти никто не верил, но и не могли предположить, что когда-нибудь это закончится. <...> Вот и молодежная среда, описанная в книге, живет двойными стандартами. Чтобы не вылететь из университета, все состоят в комсомоле, делают вид, что продолжают традиции отцов и дедов, но между собой транслируют совершенно другие настроения. В моде скрытый протест во всех его формах, диктующий не только музыкальные, читательские и кинематографические вкусы, но и внешний вид. Нет американских джинсов – ты чужой в субкультуре. Расшибись в лепешку, но купи их на черном рынке.

<...> Павлик из закрытого сибирского городка, которого даже нет на карте, настолько он секретный. <...> Капитанский сын, выросший в среде военных, совершенно иначе воспитанный и настроенный.

К.: – Он верит в советские ценности?

А. В.: – Причем абсолютно искренне. И будучи существом просто-душным, убежден, что вся страна – такая же, как его родной город: все нормально живут, работают на укрепление обороны, хорошо зарабатывают и не испытывают никаких материальных лишений. Поэтому пустой деревенский магазин на картошке – для него открытие и потрясение, равно как и то, что в совхозе процветает воровство. Как будто вокруг другая страна. А столичные студенты поначалу ему просто не верят. Думают, карьерист, провокатор или стукач. Они слушают «Голос Америки» на «Спидоле», обсуждают ввод наших войск в Афганистан, читают запрещенные книжки, спорят про фильмы Андрея Тарковского и спектакли Театра на Таганке. Все советское вызывает у них аллергию, а мой герой «не догоняет» – как это, они же учатся в лучшем вузе страны, на деньги государства, и презируют? Тогда парню выносят другой вердикт – дурак.

К.: – А он между тем неисправимый романтик. Повесил у себя в комнате физическую карту СССР, которую мысленно исходил и изъездил.

А. В.: – Он – державник. Ему нравится, что его страна такая огромная, мощная, он даже хочет увеличить ее территорию, а куцый вариант в национальных границах, который предлагают иные инакомыслящие – «почвенники», кажется ему каким-то скособоченным, некрасивым. На него напирают: «Ты же русский». Он об этом впервые узнает (он же советский!) и думает: что же, если русский, надо все нерусское раздать? <...>

К.: – В одном интервью Вы говорили, что в юности <...> готовы были клеймить и проклинать ту действительность, а теперь благодарите.

А. В.: – Я и сейчас не идеализирую советское время, в нем было много ужасного, нелепого, жестокого, а в молодости я был настроен и вовсе очень критично. Раскол отцов и детей силен в любую эпоху, но в восьмидесятые он был особенно выразителен. <...> советская власть ведь проиграла сначала в головах, и задолго до своего краха. В какой-то момент «антисоветчики» стали выглядеть в глазах окружающих умнее и привлекательнее, чем те, кто соглашался с линией партии или вообще предпочитал отмалчиваться. <...> Нам хотелось ездить, узнавать, сметать запреты, жить. Помню, читаю журнал «Ровесник». Все вроде как положено: на Западе безработица, у нас все отлично. Но среди идеологически выверенных статей – развлекательные подверстки: «В этом году в барах Рима модно слушать Вивальди». А я сижу на Автозаводской улице, в своем пролетарском районе, и думаю, а есть ли он, этот Рим, или это обратная сторона Луны <...>. Вообще существовала духовная жажда, люди очень хотели увидеть, узнать, прочитать, обсудить. Спорили до хрипоты, но не были друг к другу равнодушны, как сегодня. <...> по сравнению с восьмидесятыми мы многое потеряли, прежде всего в сердце. Однако тоска моего героя в другом. Он жалеет, что так и не реализовалась советская мечта – идеал братства, любви, взаимопомощи, солидарности. <...> Поэтому и хочет переубедить своих друзей, донести до них эту утопию, сделать так, чтобы они в нее тоже поверили и увидели в советской идее пушкинское начало: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» <...>

Патриотизм – <...> лучше сказать, чувство Родины – естественная вещь, это как любовь к родителям, и это чувство не надо насаждать. Лучше освободить

диться и от иллюзий, и от бессердечного отрицания, не лгать, не обманываться, а любить свою Родину такой, какая она есть. Этому и учится мой Павел.

Ефремова Д. Алексей Варламов: «Нужно читать сердцем, а не препарировать книги» / Д. Ефремова // Культура. – 2018. – 24 мая. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/201912-aleksey-varlamov-nuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-preparirovat-knigi/> (дата обращения: 16.01.20).

Тема 5. «Странная» война в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный»

Вопросы для обсуждения

1. Бессмысленность войны для ее участников, размытость оппозиции «свои – враги», деловое партнерство военных противников.
2. Герои-антиподы Рубахин и Вовка-стрелок: рефлексия и адаптация к войне.
3. Семантика названия: метафоричность, литературные аллюзии.

Проблематика рассказа

Владимир Семенович Маканин принадлежит теперь уже к старшему поколению современных российских писателей, поколению, которое началось после XX съезда, но вышло чуть позже, чем основные шестидесятники, к читателю – практически в 1970-е годы. Так что он – старший шестидесятник, оказавшийся семидесятником. <...>

В его творчестве тема войны занимает большое место. И его, может быть, самый сильный, и самый страшный, и самый человечный роман последних лет – «Асан» (2008) – как раз и посвящен чеченской войне. <...> Но говорить мы будем не об «Асане», а о коротком рассказе, вышедшем в 1994 году, опубликованном журналом «Новый мир». Рассказ этот называется «Кавказский пленный», и тут тоже очень грубая лобовая игра с русской классикой. На самом деле не такая лобовая, как это может показаться, но две вещи в связи с этим рассказом кажутся несколько странными.

Во-первых, обычно под небольшими рассказами при журнальных публикациях авторы не ставят дату. Это удел больших произведений, которые пишутся долго, и автору всегда хочется подчеркнуть, что «писали, не

гуляли», что работали как следует, лет пять сочиняли этот роман. А тут рассказ, который пишется ну если не за один присест, то уж в несколько месяцев точно. И указано: «1994 год, июль-сентябрь». Зачем автор это делает? Это первое.

Второе. Когда мы внимательно читаем этот рассказ, то замечаем, что в нем неожиданно и как будто вопреки естественному ходу сюжета возникает гомосексуальная тема. Она не доводится до крайнего проявления, но она по каким-то странным полунамёкам входит в сюжетику этого рассказа. А рассказ очень простой. Он говорит о том, как группа русских солдат, федералов, берет в плен чеченского юношу и, нарвавшись на разведгруппу, главный герой этого рассказа, русский солдат, убивает чеченского пленного. Но! По пути в этих описаниях возникает странная, не очень похожая на писателя Маканина, вполне традиционного склада, тема влюбленности мужчины в мужчину, молодого солдата в чеченского юношу. И эти описания достаточно тонкие, они позволят трактовать по-разному <...>. Это, скорее, античная игра в гомосексуальные ассоциации, нежели современная лобовая европейская проза. <...>

Почему же возникает этот мотив в этом рассказе, мы, к счастью, знаем. Маканин объяснил, в чем причина этой странности. Он задумывал рассказ о том, как солдаты захватили пленную, а не пленного. И в первоначальной сюжетике это было естественное влечение молодого солдата к пленной чеченской девушке, может быть снайперше, может быть разведчице, а может быть случайно захваченной жительнице села. Сюжет вполне традиционный, только вывернутый наизнанку к толстовскому: там был пленник, которого держат в яме, и горенка спасает его (и у Пушкина тоже). А здесь женщина, захваченная в плен солдатами, должна была стать олицетворением вот этого иного мира, входящего в русское пространство. Но Маканин почувствовал некоторую натужность и неестественность этого хода и переменял героя, заменил женщину на мужчину. Но любовный мотив остался, и он превратил рассказ из локального эпизода, повествующего о войне, в эпизод большой традиции, в эпизод античный в большей степени, чем эпизод из дня сегодняшнего.

Но есть и вторая загадка в этом рассказе, и она как раз связана с датой его написания. Мы быстро забываем о том, как движется история. Первая чеченская война началась в декабре 1994 года. А рассказ написан о чеченской войне в июле – сентябре, до того, как война началась. И вот у нас на глазах простой реалистический сюжет превращается, с одной стороны, в некую форму пророчества о надвигающейся войне. С другой стороны, в античный миф о влюбленности мужчины в мужчину. И античный же миф, связанный тайной связью между смертью и влечением. <...>

Маканин – писатель достаточно холодный, достаточно рациональный, достаточно жесткий. И сама тема его рассказа не допускает трепета, не допускает профетического пафоса. Начинается с того, что солдаты, участвовавшие в этой войне, не знали фразы Достоевского о том, что красота спасет мир. Но они знали, что такое красота.

А финал рассказа говорит о том, что красота остается. Она разлита в природе, она разлита в человеческом теле, она заключена в нем. Но красота не спасет мир – это холодный, почти ледяной вывод. Кто-то должен делать и такие выводы в литературе.

Архангельский А. Маканин. «Кавказский пленный» / А. Архангельский // Арзамас. Академия. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1479> (дата обращения: 16.01.20).

Тема 6. Трагедия национальной войны в романе В. Медведева «Заххок»

Вопросы для обсуждения

1. Осмысление в романе причин и характера войны в Таджикистане. Разрушение в ходе войны тонкого слоя светской культуры и воскрешение глубинных форм национального сознания (мифологического, этнического, религиозного).
2. Проблема национального самоопределения Андрея и Зарины.
3. Полифония как повествовательный прием и способ высказывания автора о войне.

Автор о романе

Сергей Шаргунов: <...> – Трудно и страшно – это относится к событиям, на фоне которых разворачивается действие в роман. Расскажите о них...

Владимир Медведев: – В России о войне в Таджикистане не известно практически ничего. Это был самый кровавый конфликт на территории постсоветского пространства. Сколько погибло людей, сказать невозможно, потому что многие бежали. Были разрушены все старые системы учета населения, поэтому можно сказать только одно, что погибло огромное количество людей. И это огромная трагедия для народа, от которой он начинает отходить, хотя раны и шрамы сохраняются до сих пор. <...> Мой близкий товарищ, таджикский просветитель, был загадочно убит на берегу реки выстрелом в рот, хотя он был далек от военных столкновений. Во дворе больницы, рядом с которой мы жили, лежали непогребенные трупы, хотя ислам предписывает хоронить покойников в день смерти.

С. Ш.: – Заххок – это персонаж древнеперсидского эпоса «Шахнамэ», отцеубийца, узурпатор, жестокий тиран. Из его плеч выросли две огромные змеи, которых он кормил человеческим мозгом. Этому мифическому персонажу сознательно подражает главный антигерой Зухуршо Хушкадамов. <...> Что для Вас значит эта метафора: власть питается мозгами подданных?

В. М.: – Эта метафора принадлежит Фирдоуси, автору «Шахнаме», но удивительно, что этот человек за тысячу лет до нас сформулировал идею, которая сейчас приходит в голову социологам и философам: в первую очередь власть старается овладеть сознанием человека и принудить его действовать определенным образом не насилием, а как бы по собственному желанию. <...>

С. Ш.: – В романе нет явного главного героя, но есть 7 персонажей, которые живут в горном кишлаке под названием Талхак, и там заправляет полевой командир. Этот Заххок-Зухуршо. У меня сложилось впечатление, что каждый из персонажей воплощает один из периодов того сложного общества, которое осталось после распада Советского Союза.

В. М.: – Наверное, можно трактовать и так. На самом деле, они олицетворяют различные способы отношения к власти. Одни из них принимают власть и подчиняются. Другие вынуждены подчиняться, как бывший советский офицер Даврон, который дал слово чести и потому участвует в несправедливом деле. Мальчишка Андрей – это юношеское неприятие,

бессильное фанфаронство. И наконец Зарина, которая идет в сопротивление власти до конца, даже ценой своей жизни.

С. Ш.: – Почему рассказчиков именно 7, как Вы определили, кому давать слово?

В. М.: – Они как-то возникали сами собой и даже помимо моей воли. Двое из них, деревенский паренек Тыква и трикстер Горох были просто эпизодическими персонажами. Нужно было иногда, чтоб кто-то подал реплику или мелькнул на заднем плане. И вдруг они стали обрывать плотью и превратились в центральные персонажи. Автор не всегда волен над своими персонажами. <...>

С. Ш.: – Один из героев Олег – уроженец Душанбе и выпускник Ленинградского университета. В Таджикистан он возвращается по редакционному заданию. Он наш проводник в сердце тьмы. Это Ваш alter ego? И много ли общего у Вас с этим персонажем?

В. М.: – Общая только формула, которую я давно, еще до распада Союза, для себя придумал: Таджикиста – это моя родина, Россия – мое отечество. <...> Олега я задумал как резонера, который может прямым текстом объяснить то, что не может сказать ни один из прочих персонажей. <...>

С. Ш.: – После смерти своего отца Андрей и Зарина, дети русской учительницы Веры, остро ощущают, что они чужие.

В. М.: – Это очень серьезный внутренний конфликт людей смешанной крови <...>. Когда-то это не имело никакого значения <...>. Но потом, в преддверии гражданской войны, вспыхнуло обостренное чувство национальной идентичности <...>. Люди оказались перед выбором: кто ты, русский или таджик <...>. Причем эта потребность определялась не меркантильными соображениями, желанием прибиться к стае, а необходимостью найти внутреннюю опору. Быть просто человеком оказалось недостаточно. В минуты роковые надо принадлежать к племени.

С. Ш.: – Много хороших откликов собрал роман. Но, согласитесь, было бы скучно без критики. Одна из читательниц пишет в интернете: «Внутренние монологи героев искусственны. Живые люди так не говорят и не переживают. Таджики в романе рассуждают на языке «Тысячи и од-

ной ночи» и все наивные как малые дети. Но при этом не очень-то переживают, когда их племянников и односельчан убивают. Думают, как бы соблюсти обычаи и вспоминают какие-то легенды и сказания». Что Вы ответите?

В. М.: – С одной стороны, таджики переживают, они такие же люди, как все. С другой – где-то глубоко в душе есть внушенное исламом представление, что все в руках божьих и сильно горевать – значит противиться его воле. А что касается «Тысячи и одной ночи», то я старался показать, как в культуре и душе современного таджика легко уживается древнее и советское. Таджики не исключение. И впервые я это подметил в нас, русских. Когда-то, когда я еще не собирался писать роман о Таджикистане, я вдруг понял, что мы мало отличаемся от людей неолита: в нас также много магического сознания, магических представлений, раздробленных, непоследовательных, но их отзвуки настолько сильны, что кажутся нам совершенно естественными <...>.

Открытая книга. Канал Россия «Культура». Владимир Медведев. «Заххок». – 2019. – 29 октября. – URL: https://tvkultura.ru/video/how/brand_id/63635/episode_id/2211801/video_id/2236339 (дата обращения: 16.01.20).

Тема 7. Тема всеобщей разобщенности в повести В. Токаревой «Своя правда»

Вопросы для обсуждения

1. Индивидуалистическая система ценностей Ирины и семейно-родовая Кямала.
2. Взаимное отчуждение в семьях Ирины и Анны.
3. Нравственный и психологический герметизм современников как причина всеобщей разобщенности.

Специфика поэтики В. Токаревой

Героини В. Токаревой, разочаровавшись в сказке о Золушке, мучительно приспособляются к несчастной и безлюбовной жизни. Токарева из рассказа в рассказ показывает, что у ее героев произошла подмена понятий:

счастье сравнилось с привычкой к несчастью: привыкают мучить друг друга жизнью врозь («Тайна земли»), привыкают жить без любви («Глубокие родственники», «Ничего особенного», «Нам нужно общение»), привыкают получать, брать, ничего не отдавая взамен («Ехал Грека», «Шла собака по роялю»), привыкают обижать и унижать («Кошка на дороге», «Центр памяти»). Эти простые истины, нередко банальные и тривиальные, по-сценарному просто и четко выраженные, тем не менее становятся для Токаревой важным лейтмотивом всего творчества. Авторское присутствие в тексте обнаруживается в способности смеяться над собой, героем, ограниченностью предлагаемых сюжетных коллизий.

<...> Happy end не свойствен прозе Токаревой, она, как истинный кинематографист, больше любит недосказанность, многоточие, дальний план. Повседневный быт с его монотонностью располагается у Токаревой на грани с небытием и требует от человека колоссальных нравственных усилий для того, чтобы не соскользнуть за эту грань.

Умение Токаревой балансировать между простотой стилистических средств и сложностью постановки «вечных» вопросов любви, семьи, долга, человеческих взаимоотношений определяет особое место В. Токаревой в современном литературном процессе.

Черняк М. А. Массовая литература XX века : учебное пособие / М. А. Черняк. – Москва : Флинта, 2013. – С. 34.

Тема 8. Проблема национальной идентичности в повести А. Галиевой «Салам тебе, Далгат!»

Вопросы для обсуждения

1. Взаимодействие этнического, религиозного, светского в малой замкнутой культуре.
2. Неприятие героем предлагаемых жизненных моделей (традиционализм, исламизм, ваххабизм, русификация, идеализация советского прошлого и проч.) как способ самоидентификации.
3. Языковой «суржик» героев как отражение несформированности национальной и личностной идентичности.

Автор о кавказской теме в литературе и своем творчестве

Корреспондент: <...> – Как вас приняло литературное сообщество? Все-таки кавказская тема не так часто встречается в русской литературе.

Алиса Ганиева: – У меня сложилась репутация постколониального, как меня назвал один критик, автора, который приоткрывает завесу над этой Terra Incognita с точки зрения инсайдера. Потому что Кавказ присутствует в русской литературе уже 200 лет, но в определенном ключе – как романтическая экзотическая страна, такой остров свободы, и у Толстого, и у Лермонтова, и Пушкина. Очень далекие от реальности, мифологические сюжеты про кавказского пленника. И эта же традиция продолжается до сих пор. Это обязательно такой милитаристский солдатский угол зрения, это русский солдат, который идет воевать, и для него кавказец, конечно, враг, но в то же время он им любителю – это такое восхищение благородным дикарем. А я все-таки пишу не о войне, и для меня это просто люди. Я осознаю культурные различия, но вижу и сходства.

Конечно, во многом для меня это был эксперимент, например, в плане языка, потому что герои говорят так же, как в реальности. В Махачкале, например, распространен такой сломанный русский язык. И это, конечно, возмутило многих дагестанских интеллигентов, которые говорили: «Нам стыдно, люди подумают, что мы все так говорим, у нас многие знают русский лучше, чем в средней полосе России, а у тебя все такие охламоны, быки и гопники». Но я показала типичную ситуацию. Махачкала давно уже потеряла свой лик. Там много переселенцев, маргиналов, которые потеряли свою сущность, это уже не кавказцы в полном смысле этого слова. Они утратили свой кодекс чести и уже не помнят свои корни, о которых любят говорить. Это немного горькое наблюдение за трансформацией, за усилением исламизации в самом тупом изводе. Не уходя в чернушность, я пыталась сделать это смешно и немножко абсурдно.

То есть я работала последние годы как автор о Кавказе. У меня вышло три книги — сборник и два романа («Праздничная гора, «Жених и невеста». – Е. С.). Они переводились на разные языки.

К.: – Как иностранные читатели приняли книги?

А. Г.: – Отдельная история, как они пытались понять, где этот Кавказ. Мне писали из Сибири и с Урала, не все знали даже, что Дагестан – это часть России, что уж говорить о Европе <...>.

Федорова Н. Алиса Галиева: «Для русского писателя кавказец по-прежнему враг, которым он в то же время любителю» / Н. Федорова // Реальное время. – 2018. – 15 июля. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/105932-intervyu-s-pisatelem-alisoy-ganievoy><https://realnoevremya.ru/articles/105932-intervyu-s-pisatelem-alisoy-ganievoy> (дата обращения: 16.01.20).

Алиса Галиева: – Когда я написала первую свою повесть, на неё неожиданно обратили внимание многие лингвисты, для которых стало интересно, что я выплескиваю на страницы художественной литературы живую устную речь, которая творится здесь и сейчас на улицах северокавказских городов, где молодежь забывает свои родные наречия и языки, переходит на «сломанный» русский язык, «суржик», со смешением уголовного жаргона, южнорусских словечек и калек с местных языков. То есть синтаксически предложение строится так, как если бы они произносились на кавказских языках, но это русский язык. Характерно, что молодежь, которую я описывала, чаще всего родных языков не знает. Но я в первую очередь говорила о Дагестане, откуда я родом. Если в Чечне или в Кабардино-Балкарии, где два языка, еще эти умирающие языки знают, то мой родной язык аварский, (аварцев где-то 700 тысяч), хорошо, если половина аварцев говорит на аварском. И это раздробленная сущность, представители разных диалектов могут друг друга не понимать, но это один язык. Я лет до трех говорила на аварском языке, но трудно сказать, думаю ли я на нем сейчас, снятся ли мне сны на аварском и насколько это влияет на мою прозу. Мне кажется, что влияет не очень. Со своей бабушкой я говорю на аварском, когда приезжаю в деревню Гуниб, где жила в дошкольном возрасте, я вынуждена переключаться на гунибский говор, но в своей прозе я сознательно не использую эти резервы своего мышления. Например, когда меня кто-то злит, мне кажется, что этот человек выпрыгивает у меня из зрачков, потому что именно этот образ запечатлелся у меня в подкорке, именно так звучит по-аварски фраза «он меня бесит», «он приводит меня в ярость». На таком уровне эти образы живут в моей голове, но я их сознательно не использую. Если некая кавказ-

ская языковая реальность звучит в моей прозе, то это объективная реальная речь, которая звучит на улице. Родные языки на Кавказе не проходят так, как мы изучаем русский. В сельских школах до какого-то уровня преподают родную литературу, но в городских школах все преподавание ведется по-русски, и если аварский, как и лакский, даргинский, годоберинский, где-то и пытаются ввести, то как иностранный. Это большая потеря, потому что целый пласт мышления вынимается из человеческой кладовой и лет через 100–200 этих языков просто не будет существовать.

Корреспондент: – Существует ли антагонизм между разными диалектами, насколько эти диалекты привязаны к культурной ситуации?

А. Г.: – Раньше это играло огромную психологическую и социальную роль: то, как человек разговаривает, сразу было трансляцией некоторых смыслов. Если человек говорит с говором некоторого долинного селения, означало, что он занимается садоводством, они зависят от таких-то и таких-то сел, которые находятся на вершине, они контролируют эту долину, у них такая-то история и все в общем-то об этом человеке понятно вплоть до его социального положения. Сейчас на первое место выходит национальность в советском звучании. Раньше понятия «национальность» на Кавказе, в Дагестане, просто не существовало. Были горцы и люди, живущие в долине. Горцы говорили на разных языках, люди были полиглотами. Обычно это были мужчины, которые перемещались. Женщины, привязанные к земле и дому, говорили на меньшем количестве языков. ...На тюркских языках велась торговля, арабский язык, персидский как язык ученых, людей, которые имели дело с литературой не только религиозной, но и с математическими текстами, в том числе античной и древнегреческой, через Ближний Восток, через арабский мир приходила на Кавказ. Переводилась. Например, миф о царе Эдипе в аварском существует как местная сказочка, понятно, что она пришла когда-то на арабском из мира Древней Греции через Колхиду.

Сегодня многие сельчане переселяются в город. Например, в Махачкале, где было 200 тысяч жителей, сейчас под миллион. И это далеко не город. Это пространство сложно назвать урбанизированным. Это какая-то огромная хаотичная деревня с беспорядочной стройкой. И надо сказать, что горцы, не приспособленные исторически жить на равнине, по генетической

памяти пытаются лепить дома друг к другу, бесконечные пристройки на пристройки. И нужно вспомнить, что в течение XX века горцев переселяли в том числе насильно по многочисленным программам электрификации, цивилизации... И исторические культурные центры просто разрушались. Где-то сегодня живет один человек, где-то два. Уникальные с архитектурной точки зрения замки, замковые села-амфитеатры, где дома с плоскими крышами лепятся друг к другу, их почти не осталось. Мне, конечно, интересна городская культура. И в моих романах «Праздничная гора» и «Жених и невеста» действуют люди, лишенные этой культуры.

К.: – Это вавилонское смешение языков?

А. Г.: – Да. Они говорят на русском с какими-то новыми модными словечками, конечно, с тюркскими, персидскими, арабскими. Но это уже новейшие вливания, и русские слова там переосмысливаются: например, «телефон» – «трубка». Надо сказать, что исламизация – это тоже форма унификации, стирание различий, национальных, языковых. И главная идея молодого поколения, рожденного в 1990-е годы, – попытка отбросить национальную идентичность. С одной стороны, есть потребность идентификации и нахождения собственного «я». Они кричат «мы – Россия» и любят триколор. С другой стороны, идет отбрасывание и нежелание вникать в собственную историю, историю рода. Отсутствие памяти – это большая проблема, потому что у нас память стиралась на всем постсоветском пространстве: люди меняли фамилии, забывали родителей, какому социальному слою принадлежат их предки, перемещались, взбалтывались, депортировались. На современном Кавказе, в Дагестане, это имеет преломление: не важно, кто ты по национальности, главное, что ты мусульманин. Идет наступление на местную культуру, которая забывается, а мне это дорого, и я своими текстами старалась ее зажать, как пыль между двумя стеклышками. Для меня реальность тем интересна, что через день она становится прошлым. И это такая машина времени в действии.

К.: – То есть религиозность подменяет этническую составляющую в качестве идентификации?

А. Г.: – Да, и при этом есть сервильность. Вот Россия, которая выбирала между Азией и Европой и решала вопрос, идем ли мы по своему пути,

так и Кавказ постоянно метался, и разные империи пытались влиять на него. То персидская, то атаманская, то российская. Подавляющее большинство кавказцев хотят остаться в рамках секулярного государства с российской государственной идентичностью. Но, с другой стороны, сервильность по отношению к арабскому, саудитскому, образу жизни: подражание местной одежде, ношение балахонов, отход от чисто кавказских традиций. Есть тенденция учить арабский язык, это модно – носить с собой книжечки и брошюры, арабско-русские разговорники или инструкции по тому, как правильно молиться, так называемый фарз айн, или жизнеописание пророков – это все модно. Это та литература, которая читается.

В частности, когда я начинала писать, я с трудом представляла своего читателя и не понимала, для кого пишу, писала для себя. И неожиданно открыла для себя новый пласт читателей с совершенно чистым сознанием, которые не привыкли читать вообще художественную литературу. Они выпускаются из школ и дальше все, что они открывают в виде книг – это религиозная литература, они не воспринимают художественное слово как что-то актуальное, достойное их внимания. Тургенев никому не интересен. И тут я стала сталкиваться со своим читателем лицом к лицу. И часто эти встречи носили полуагрессивный характер. Искрила атмосфера. В интернете люди писали. Растаскивали по каким-то абзацам. Кто-то очень просто-душно воспринимал то, что я пишу. Например, когда цитировали мои диалоги полубыковых парней с улицы, которые отнимают друг у друга телефоны и спорят о религии, им казалось, что я из этого пласта и передаю свой собственный язык и то, как я сама общаюсь, и писали на таком же диалекте, что я молодец. Многих оскорбило, что я вообще транслирую реальность, которая некрасива, неприятна и неблагоприятна для кавказцев.

К.: – Алиса, Вы ведь из интеллигентской семьи. У Вас ведь существовало это знание, которое задает некоторое отстранение и иной взгляд на то, что происходит в быту. А ведь в этом смысле общегуманитарное, интеллигентское знание – это тоже унификация. Особого рода, которая принимает разнообразие. Но это особенный взгляд.

А. Г.: – Да, конечно, родители влияли, хотя их трудно назвать людьми, имеющими отношение к слову. У меня мама археолог. Это достаточно

редкая для дагестанки профессия. В свое время она, как и я, нарушала все возможные табу: прыгала с парашютом, жила в археологических лагерях. И отец, он экономист по образованию, географ, который ходил по Дагестану с экспедициями, изучал камешки. Он во время перестройки, в 1990-е, начал издавать первую независимую газету, буквально подпольно, на печатной машинке набирал тексты. И эти детские воспоминания подсознательно влияли, потому что с детства хотелось создавать что-то новое и не важно что.

К.: – Мы говорили об антагонизмах в самоидентификациях: этническая или религиозная. На протяжении советского времени оппозиция интеллигентный человек – человек из народа сильно чувствовалась. Разные акценты расставлялись в этой оппозиции. Насколько это сильно существовало в Вашей жизни.

А. Г.: – Это существовало. Хотя я ходила в школу, где учились дети из так называемых хороших семей, не аташки («ата» по-тюркски «отец», так назывались полумаргинальные охламоны, по сути «братки»), этот антагонизм был, хотя я всегда мимикрировала, подстраивалась под среду. Я сама замечаю, что начинаю говорить с некоторым акцентом, когда попадаю в определенную группу людей, и это помогает собирать информацию. В свое время я становилась незаметной, сливалась со средой, но мои родственники стали напрягаться, что я любое их словечко могу перенести на страницы своих книг, хотя я этого практически не делала (у моих героев нет прототипов), но просто ситуации такие типичные, что люди стали узнавать себя даже там, где я не имела их в виду и бояться, потому что среда замкнутая, камерная, а любая типичная ситуация как будто намекает на конкретных людей. И мой последний роман «Жених и невеста» о том, как люди выбирают себе невест, тоже вызывал ассоциации с вполне конкретными персонажами.

К.: – Насколько традиционная культура задает ментальные коды, смыслы, которые затем руководят человеком в жизни?

А. Г.: – Это похоже на программную прошивку. Если человек растет с определенными ожиданиями своего окружения, которое задает ему некоторые планки, в том числе и хронологические (в 22 ты выйдешь замуж, в 23 ро-

дишь, по пятницам ты будешь ходить в такую-то мечеть, а в такую-то не ходи, потому что она нетрадиционная, там собираются нехорошие люди в укороченных брюках и так далее) – вот все эти рамки, которые окружают особенно женщин, приходится отодвигать. А рядом вырастает поп-культурная традиционность с инстаграмами, традициями ходить в салоны красоты. Накаченные губы и хиджабы – это оксюморон местной жизни.

А что касается литературы, мне трудно подобрать литературную родословную. Некоторые критики называют Фазиля Искандера, но только потому, что он тоже писал о Кавказе. Или Расула Гамзатова, который совсем неприменим к тому, что делала я. Мне самой было трудно подобрать эту родословную, потому что проза на Кавказе – это явление новейшее, конструируется советского времени, а эпические песни или любовную лирику я не пишу. Это, скорее, продукт постмодернистского сознания, с иронией или даже с цинизмом. Многих моих кавказских читателей оскорбляет иронический, критический взгляд на действительность.

В зарубежных списках мои книги отмечались. Потому что тема универсальная – борьба традиционного и модернистского мира, исламизация – это происходит в разных точках мира.

Александров Н. Писатель Алиса Ганиева о малых народах / Н. Александров // Фигура речи. – 2019. – 5 мая. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XGRLUxJVf8>

Тема 9. Человек и время в сборнике 3. Прилепина «Грех»

Вопросы для обсуждения

1. Соотношение автобиографизма и вымысла в романе.
2. Поиск Захаром ценностных ориентиров.
3. Православные мотивы в трактовке основных тем романа.

Система ценностей главного героя

Захара Прилепина по праву можно назвать «писателем с биографией». В прошлом грузчик, охранник, разнорабочий, командир отделения ОМОН, бывший член запрещенной НБП, участник боевых действий в Чечне, теперь он – одна из самых знаковых фигур современного отечественного литературного процесса. <...>

Яростным стремлением «тратить вещество жизни» наделяет писатель своих героев, которые обладают автопсихологической доминантой. <...>

Истинно прилепинским героем видится нам и главный персонаж его опубликованной в 2007 г. книги «Грех». Он даже имя носит одно на двоих со своим создателем – Захар. <...> Главный герой, показанный в разные периоды своей жизни, преодолевает определенные жизненные трудности на каждом из этапов своего взросления.

<...> «Грех» – это роман в рассказах. <...> автору удается выстроить сюжетно-композиционное единство за счет поступательно отраженной эволюции образа героя, которая дана не хронологически, а в соответствии с внутренними законами становления его личности. Автор раскрывает психологию поведения своего героя в разных обстоятельствах, порой диаметрально противоположных, не нарушая при этом целостности и последовательности в изображении главных, доминирующих черт его характера. Мы наблюдаем здесь типичные человеческие заблуждения в отношении себя и близких, неожиданные «перевертыши» представлений, прорывы к непознанному себе, обретение новых открытий, природных в себе начал и т.д.

<...> Важнейшей категорией бытия становится в романе грех. <...> В качестве греха в одноименном рассказе Прилепина рассматривается преступление против родственных связей, против крови. <...> Герой преодолевает искушение, он сумел, хоть и не без мучительного противостояния природному зову, побороть в себе желание согрешить – и сразу возникает перед ним образ жертвенной крови безвинного существа (зарезанной свиньи. – Е. С.) как вечный синоним искушения. Это помогает нам понять, что натура Захара стихийна, стремительна и открыта миру. В нем одновременно уживается, переключаясь, строгое полюсное деление на «добро» и «зло» (влечение к сестре и кровавой след непременно имеют связь с грехом) и «языческое» мировосприятие (грех нужно искупить жертвой).

Мы наблюдаем «природность» Захара, но отчетливо осознаем, что он вовсе не дикарь, не безбожник, отчетливо видно его интуитивное тяготение к неперемennomу следованию устоям христианской морали, нравственным основам православной веры. Следует заметить, что образ Захара в этой прилепинской книге особенно контрастно очерчивается, проходя проверку

тем, что занимает важнейшее место в его системе ценностей, – любовью и верой. Не зря персонаж финальной главы «Сержант», стремившийся забыть семью, чтобы получить право умереть, действительно умирает. Потому что не живет герой «Греха» без любви. Женщина и Бог видятся нам неотъемлемой, если не сказать – главной, частью жизни Захарки. Но и любовь к матери, ребенку, другу, зверю, природе не менее для него важны. Вера в искреннее чувство, в смысл дарованной жизни, в близкого человека сродни для героя вере в Господа. Со всей очевидностью в Захарке борются два начала – христианское, заключающееся в интуитивном соблюдении устоев морали, и языческое, природное, выраженное в обожествлении любимых.

Представляется, что молодой герой книги Прилепина «Грех» органично вписан в ряд других его романских персонажей. Система ценностей этого, по сути, автобиографического героя со всей очевидностью соответствует ценностным ориентирам самого писателя, для которого бесспорными жизненными приоритетами являются <...> любимая женщина, дети, семья и родина.

Янковская Л. С. Система ценностей главного героя книги З. Прилепина «Грех» / Л. С. Янковская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2016. – Т. 18, № 1(2). – С. 277–280.

Тема 10. Буржуазная действительность и патриархальная идиллия в повести Б. Екимова «Предполагаем жить»

Вопросы для обсуждения

1. Намеченные, но неразработанные конфликты (бизнес – криминал, власть – бизнес, богатые – бедные родственники, предназначение – финансовое благополучие) как способ авторского высказывания о современности.
2. Изображение «новых хозяев жизни»: сельский спаситель Арчаков, долларовый миллиардер Феликс, семья Хабаровых как эталонная буржуазная семья.
3. Патриархальная идиллия как альтернатива буржуазного счастья.

Конфликт и сюжет в повестях Б. Екимова

Проза Б. П. Екимова с середины 1970-х годов привлекает неослабевающее внимание критики. <...> В центре внимания писателя – сегодняш-

няя действительность с ее злободневными проблемами. <...> Определяющим для повестей Б. П. Екимова (как и для творчества в целом) является этический пафос.

<...> Герои повести «Предполагаем жить» решают для себя извечную проблему смысла жизни и должны выбирать между следованием внутренним побуждениям и потребностям своей души и подчинением условностям, погоней за внешними атрибутами успешной жизни. <...>

Художественный конфликт в повести «Предполагаем жить» связан с проблемой жизненного предназначения и носит философский характер. Не только главный герой, молодой историк, аспирант, Илья Хабаров, но и большинство персонажей повести так или иначе задаются вопросами: для чего человек приходит в этот мир, что нужно душе для счастья и покоя? Конфликт не получает разрешения в повести. Поведение персонажей демонстрирует несоответствие декларируемых принципов и реально совершаемых поступков, благие мысли так и остаются всего лишь словами, не подкрепленными реальными действиями. <...>

Характер проблематики определяет своеобразие сюжетно-композиционной организации повести, особенностью которой является использование приема повтора: автор воспроизводит одну и ту же ситуацию в судьбе разных персонажей.

Главный герой, Илья Хабаров, неотступно думает о том, что же является истинной ценностью в жизни человека? <...> Персонажи повести – люди весьма и весьма состоятельные: «железная» Марья Хабарова; Тимофей, дядя Ильи; «долларовый миллиардер» Феликс, который может позволить себе пригласить гостей для празднования дня рождения на собственный остров в Эгейском море. Автор задается вопросом: приносит ли это душевный покой, способен ли человек, достигший многого, ощутить в полной мере счастье? <...> Вновь и вновь ставя персонажей перед выбором, автор подводит к мысли о том, что жизнь человеческая не вечна, не распознав главного в ней, лишь смутно догадываясь о чем-то, можно не успеть. <...> Финал повести остается открытым <...>, свидетельствующим о неразрешимости противоречия.

Тема 11. Мир тотальной симуляции в романе В. Пелевина «Generation П»

Вопросы для обсуждения

1. Замещение реальности симулякрами как универсальное свойство эпохи.
2. Обезличивание Вавилена Татарского как условие адекватности миру.
3. Тотальная ирония как свойство кризисного мироощущения автора.

Человек и мир в романе

<...> Татарский целиком и полностью принадлежит данной, т. е. сегодняшней, реальности, и для того, чтобы выйти за ее пределы, ему нужны стимуляторы, вроде мухоморов, дурного героя, ЛСД или, на худой конец, планшетки для общения с духами. Татарский, казалось бы, проходит путь возвышения от ларечного «реализатора» до живого бога, главы некоего тайного ордена, Гильдии Халдеев, поставляющей России иллюзорную реальность. Но на самом деле его возвышение предопределено его именем, составленным из «Василия Аксенова» и «Владимира Ильича Ленина» и лишь случайно совпавшим с «именем города». Именем, т. е. «брендом». А как шуткует коллега Татарского по рекламным делам, «у каждого бренда своя легенда». Вавилен Татарский – такая же вещь, такой же продукт, как и то, что он рекламирует. <...> Татарский – пустое место <...>, не творец, а «криэйтор» <...>, волей случая вознесенный до небес. Со своей книжечкой, в которую в любой удобный и неудобный момент записываются рекламные идеи, он просто комичен. Особенно эта комичность очевидна, когда в момент наркотического «прозрения» он «во искупление» сочиняет для Бога «слоган», действительно гениальный по своей пошлости: «Христос Спаситель. Солидный господь для солидных господ». Его продвижение по мистико-карьерной лестнице, разумеется, напоминает компьютерную игру (три ступени, три загадки, башня, на которую надо взойти), но на самом деле не

он восходит, а им двигают, как фишкой, – не даром каждое новое возвышение Татарского совершается после того, как его прежний босс/наставник, по неясным причинам, погибает. <...> Татарский <...> принимается в чужую игру при фактическом условии утраты себя: акт снятия виртуальной маски, трехмерной модели, которая, собственно, и станет мистическим мужем богини Иштар – символически фиксирует полное обезличивание и без того не шибко индивидуального выпускника Литинститута.

Выбрав в качестве зеркала (сюжета) и маски (автора) – двух главных компонентов описанного в романе «древнего халдейского ритуала» – вполне посредственного тупаря, «типический характер в типических обстоятельствах», Пелевин демонстративно захлопнул дверь, ведущую не только к романтико-модернистской традиции изображения исключительного героя в исключительных обстоятельствах, но и к себе самому прежнему. Ведь Пелевин, <...> начиная с ранних рассказов и вплоть до «Чапаева», <...> упорно доказывал, что из симулякров и фикций можно заново построить реальность.

<...> Новый роман рожден горестным открытием того факта, что <...> индивидуальная стратегия свободы легко оборачивается тотальной манипуляцией «ботвой»: симулякры превращаются в реальность массово, в индустриальном порядке. Каждый рекламный клип – это на самом деле облеченный в виртуальную плоть квазиреальности симулякр счастья и свободы: «Свободу начинают символизировать то уют, то прокладка с крылышками, то лимонад. За это нам и платят. Мы впариваем им это с экрана, а они потом впаривают это друг другу, и нам, авторам, это, как радиоактивное заражение, когда уже не важно, кто взорвал бомбу». При таком раскладе разницы между творцом иллюзий и их потребителем не так уж и много. При «массовом воспроизводстве» творца заменяет криэйтор <...>. Пелевин не мог не думать, когда писал этот роман, кто в период «массового воспроизводства симулякров» заменит его, Виктора Пелевина, точнее, много ли останется от Пелевина, если он захочет подольше удержаться в роли культового писателя поколения «П»?

«Generation П» – первый роман Пелевина о власти *per se* (по существу. – Е. С.), где власть, осуществляемая посредством симулякров, оттесняет поиск свободы. Да и, собственно, сама свобода оказывается таким же симу-

лякром, вкачиваемым в мозги потребителя вместе с рекламой кроссовок <...>. Оттого самому Пелевину нескрывая скучно писать о Татарском и ему подобных. Пелевин – все-таки лирик по складу таланта, и там, где нет нервного контакта между его «я» и «я» героя из текста, исчезает живой напор и остается просто беллетристика среднего качества.

Липовецкий М. Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе / М. Липовецкий // Знамя. – 1999. – № 11. – С. 207–215.

Тема 12. Картина мира и человека в романе

А. Волоса «Недвижимость»

Вопросы для обсуждения

1. Механистичность и обесцененность современной жизни.
2. Разобщенность людей как основной закон социальности в понимании автора.
3. «Не своя» жизнь главного героя.

Проблематика романа

<...> Нет сомнений в том, что «Недвижимость» написана не на производственную тему, хотя читатель найдет для себя массу полезной информации по приобретению/продаже жилья <...> Андрей Волос представил нам социально-психологический и философский роман.

В центре повествования – обыкновенный московский риэлтор, которого зовут Сергей Капырин. Торговля недвижимостью – оживленный перекресток, где встречаются и разъезжаются представители разных социальных групп столичного общества. <...> В обширной галерее персонажей представлены бизнесмены и алкоголики, домохозяйки и бывшие партработники, честные люди и «бандюки».

Среди них вертится уставший от бесконечной кутерьмы главный герой. <...> не готов Сергей Капырин действительность исправлять – он хочет к ней привыкнуть. Андрей Волос ломает традиции русской классики, в которой понятия «положительный герой» и «зарабатывание денег» фактически несовместимы.

Городской пейзаж <...> пасмурен и неприветлив <...>, но в многочисленных московских пробках герой может побыть наедине с собой, по мечтать о будущем <...>, внезапно открыть для себя, что счастья нет, а через минуту забыться в счастливых мыслях о прекрасной Ксении.

Ковалец – иное измерение и иной счет, но отнюдь не альтернатива Москве. <...> Жители Ковальца ничем не лучше москвичей – они так же безнадежно испорчены деньгами. <...>

Деньги – вот главное связующее звено между Москвой, Ковальцом и разоренным городом на окраине развалившейся империи (назовем его Хуррамабад), о существовании которого мы узнаем из писем матери Капырина. <...> Сергей Капырин <...> вынужден постоянно протягивать деньги: проводнику, дабы тот отвез родителям посылку с продуктами; охраннику, чтобы впустил; следовательно, чтобы выпустил... Деньги даются и «чужим», и «своим». Даже отношения с другом – Шурой Кастаки – определяет размер денежного долга. Мир настолько разрушен золотым тельцом, что диссонансом выглядит и звонок Капырина красавице Ксении после совершения сделки: девушка убеждена, что истинная цель разговора – вытянуть из нее деньги. Любовь не встраивается в новую систему координат.

Иначе устроен Сергей Капырин. Честно заработать и перевезти в Москву родителей – вот основной лейтмотив трудовой деятельности героя. Но если оставаться порядочным человеком в условиях жестокого мира, конфликтной ситуации не избежать. Торговля квартирами – это всего лишь внешняя фабула романа. <...> Реальная развязка – это выбор Сергея Капырина, который сознательно отменяет мысль о том, чтобы удрать восвояси с тридцатью шестью тысячами зеленых в кармане. <...>

Привычные ситуации; знакомые лица; вечные вопросы, живущие среди проблем настоящего дня; положительный герой – обычный человек, предпочитающий поступать по совести. Роман Волоса типичен для нашей жизни и нетипичен для современной литературы. По-моему, это и есть настоящий реализм.

Дмитриев Д. Андрей Волос. Недвижимость / Д. Дмитриев // Знамя. – 2002. – № 1. – С. 233–234.

Тема 13. Герой поступка в современном историко-приключенческом романе (А. Геласимов «Роза ветров»)

Вопросы для обсуждения

1. Традиции русского и советского исторического романа в книге (И. Гончаров «Фрегат Паллада», Н. Задорнов «Капитан Невельской»).
2. Трансформация «маленького человека» Невельского в историческую личность.
3. Трактовка проблемы личность – история в романе.

Автор о романе

Корреспондент: – Андрей, какой смысл несет название книги и почему вы его выбрали?

А. Геласимов: – Изначально это понятие – роза ветров – существовало, чтобы указывать направление доминирующего ветра в той или иной части океана. И у меня родилась мысль, что у каждого человека есть свой доминирующий ветер. Ведь жизнь каждого собирается из людей, которые нас окружают, из событий и выборов, которые мы совершаем. <...> Эта метафора про розу ветров стала для меня очень важной. Я понял, о чем пишу роман – о том, как человек определяет направление своего собственного ветра в жизни.

К.: – Почему история про капитана-лейтенанта Невельского так важна для вас?

А. Г.: – Эта история оказалась для меня очень личностной. Мой отец служил на средноморской подводной лодке, на флоте, – и вот бывают же совпадения – он служил в том самом месте, где происходят главные события амурской экспедиции Невельского. Это место сейчас называется Советская гавань. <...>

К.: – Герои «Розы ветров» – реальные люди, жившие в середине 19-го века. Вам не было страшно браться за исторический материал?

А. Г.: – Страшновато было, да. В процессе я все время боялся, что я ошибусь, что, быть может, не так истолкую события, что на мне лежит огромная ответственность. <...>

К.: – Что помогло вам создать ту историческую эпоху?

А. Г.: – Года два, пока работал над текстом, я не читал современных авторов. Очень внимательно изучал Гончарова. <...> Очень много обращался к текстам Толстого. <...> Я погрузился в эпоху очень плотно, просто жил в ней, скажем так.

К.: – Что было для вас важным в главном герое книги?

А. Г.: – Мне очень интересен был характер <...> Невельской ведь не собирался плыть на Дальний Восток. Блестящий офицер, он хотел и дальше служить на Балтийском флоте при императорском дворе. Но так сложились обстоятельства <...>. Мне важно было посмотреть, как герой принимает <...> свою роль, которая ему уготована. <...> Мне нравится этот путь героя – человека, который принимает свою судьбу. Нужна огромная внутренняя работа, чтобы понять и принять ее <...>. Он это ощутил, блестяще выполнил свою задачу. И в следующих томах Геннадий Иванович будет еще мощнее. Это глыба будет.

К.: – Все ли персонажи в книге достоверны?

А. Г.: – Да, они абсолютно правдивы, <...> кроме господина Семенова. Это единственный выдуманный персонаж, который отображает собой исполнительную власть. Он посредник между Невельским и государством, такой чиновник по поручениям. <...> Мне нужен был <...> образ такого винтика государства, который действует не по убеждениям, а потому, что он часть системы. Он рабочая шестеренка в этом часовом механизме, но очень, очень важная.

К.: – Мне показалось, что книга получилась патриотическая. Вы такую задачу себе ставили как писатель?

А. Г.: – <...> я не вижу здесь такого ура-патриотического зачина. Я пытался понять, каковы взаимоотношения человека и государства, как человек принимает тот факт, что он сначала должен, а потом хочет служить государству потому, что он осознает себя его частью. Вот о чем был роман. Если это прочиталось как патриотическое начало, ну пусть.

Вичева И. Андрей Геласимов: «У каждого – своя роза ветров» / И. Вичева // Ревизор. – 2017. – 15 декабря. – URL: <http://www.revizor.ru/literature/interviews/andrey-gelasimov-u-kajdogo-svoya-roza-vetrov/> (дата обращения: 16.01.20).

Тема 14. Мир чувств современного «маленького человека»

(А. Слаповский «Любовь по-нашему»)

Вопросы для обсуждения

1. Страх любви героев рассказа «Любовь по соседству».
2. Несостоятельность в любви центрального персонажа рассказа «Любовь-рондо».
3. Тоска по любви как причина самообмана героя рассказа «Недоразумение».

Писатель о трактовке темы любви в современной литературе

Корреспондент газеты «Культура»: – В последнее время редко пишут о любви, все больше фэнтези, исторические романы. Вам не кажется, что саму тему не то чтобы табуируют, но как-то обходят стороной. Как Вы думаете, почему?

А. Слаповский: – По-моему, отдельно темы любви не бывает. <...> Вот не так давно прочитанные книги Александра Архангельского – «Бюро проверки», Марины Вишневецкой – «Вечная жизнь Лизы К.», Ольги Славниковой – «Прыжок в длину» – везде по «пять пудов любви», как выражался все тот же Антон Павлович.

К.: Возможно ли, чтобы нечто похожее на бунинский цикл «Темные аллеи» появилось сегодня, от лица мужчины, а может быть, женщины?

А. С.: Чтобы с такой же силой – вряд ли. Мы предпочитаем отбалтываться от темы безумной любви, от темы смерти, заговариваем зубы бездне, сами себе внушая, что этого нет. Стендап, шуточки, прибауточки <...>. Говоря коряво и даже пошловато, для Бунина любовь – способ с ужасом прикоснуться к смерти, для меня – способ с надеждой потрогать жизнь. И мои простые истории – об обычных людях, которые заняты именно этим. Живут и надеются. Не великие они ни духом, ни мыслью. Но я их люблю.

Ефремова Д. Алексей Слаповский: «Хочу быть жизнерадостным писателем» / Д. Ефремова // Культура. – 2019. – 15 февраля. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/234093-aleksey-slapovskiy-khochu-byt-zhizneradostnym-pisatelem/> (дата обращения: 16.01.20).

Тема 15. «Новый реализм» (Р. Сенчин «Афинские ночи»)

Вопросы для обсуждения

1. Роль литературных аллюзий в рассказе (отсылка к текстам А. Вампилова, Ю. Трифонова, Вен. Ерофеева и др.).
2. Травестия традиционных для русской литературы тем: личность – народ, художник – толпа, человек – обстоятельства.
3. Духовное оскудение молодого поколения как нравственный диагноз автора.

Литературные критики о прозе Р. Сенчина

Светлана Руденко: <...> Главным воплощением потерянного поколения стали три героя из «Афинских ночей». Вместо имен у них клички – Хрон, Мускат и Дэн. Они жаждут афинских ночей – то есть пьяной оргии. В Москве на имеющиеся у них гроши – создание шедевров опять же только в планах – сильно не погуляешь и потому трое друзей отправляются в Можайск. Все попытки заняться развратом и «снять телок» заканчиваются неудачей. <...>

Правда Сенчина банальна: весь мир – дерьмо. Выхода нет, нет даже света в тоннеле, он давно пропал. Одна темная ночь без конца и без края. <...> куда более страшным является полнейшее отсутствие какой-либо нравственной позиции у самого автора. <...>

Повести и рассказы Сенчина я бы назвала галереей нравственных уродов, вконец деградировавших типов, и странно что Сенчин упивается ими. И зачастую даже дистанции между автором и его героем нет. Из непонятого кокетства он называет героев своим именем – Романом, Сэмом, Сенчиным. <...> И вроде бы они не люмпены, не маргиналы, не бомжи. А глянешь – на них и страшно – вечно полупьяные, обкуренные, затравленные и угнетенные мыслями о самоубийстве. <...>

Мне могут возразить – мир таков, и Сенчин просто добросовестно его описывает. <...> Мир такой, каким мы его хотим видеть. Слово имеет свою самостоятельную жизнь. И за него в ответе художник, создающий свой мир. <...> если писатель берется за перо, то хотя бы иногда должен спрашивать

себя – зачем, во имя чего? Думаю, уже прошел период, когда нужно было изобличать и выдавать чернуху за сенсацию.

Руденко С. Феномен Сенчина, или Откуда ж этот душок? / С. Руденко // Русский переплет. – URL: <http://www.pereplet.ru/text/rudenko01.html> (дата обращения: 16.01.20).

Ирина Роднянская: <...> за Романа Сенчина мне хотелось бы заступиться – оттого что, насколько знаю, мало кому еще захочется это сделать. Мне-то как критику он очень интересен, даже «по-человечески». Его «подробная автобиографичность» – по-моему, не «злой рок», а единственный для него залог литературной удачи. Он как заразы боится литературной лжи и, подозревая ее в любой возможной неточности, может писать единственно о том, что знает доподлинно. А это единственное – его собственная душа с ее внешними впечатлениями и внутренними движениями. <...> Его «серый» слог и дотошно описываемые мелкие перипетии жития (за которыми стоит нешуточная и достаточно всеобщая драма неприкаянности) увлекают (меня) потому, что подле каждой строчки симпатическими чернилами вписан девиз: «Не лгать!» <...> Исповедь эта совершается перед кумиром литературы и литературной публики и, конечно, душу не исцеляет.

Валерия Пустовая: <...> автобиографичность произведений Сенчина <...> проявление кризисного самосознания литературы, отражение духовного неблагополучия личности современного писателя.

<...> Мироотрицание Сенчина происходит изнутри отрицаемого мира, в полном согласии с его потоком. <...> Его неприкаянные герои, их темный, знакомый большинству наших сверстников мир – не плод свободного творчества, а запись подробной, боящейся чего-то не упомянуть исповеди, недоуменный взгляд: мол, вот так бывает на свете – и что вы думаете по этому поводу? Сенчин вполне адекватен описываемой им реальности, он ни в коем случае не выше, не вне ее.

Сенчин получил признание благодаря современным ноткам и основательному охаиванию окружающей действительности – на фоне грезящих о прошлом литераторов старшего поколения. Между тем уже сейчас видно, что доля новизны, свежести в мироощущении Сенчина очень невелика. Сенчин – первая манифестация заболевания, первое заявление современно-

го человека о потребности в очищении. Смысл его произведений можно свести к одной мысли-мечтанию: «Как бы сделать житуху повеселей, чтоб в душе было легко и просторно» («Афинские ночи»). Он задает вопрос – но не отвечает на него. Историческая ценность его произведений – в постановке задачи, решить которую под силу авторам с принципиально иным, чем у Сенчина, мировоззрением.

Пустовая В. Новое «я» современной прозы : об очищении писательской личности / В. Пустовая // Новый мир. – 2004. – № 8. – С. 153–173.

Тема 16. Проблема творчества в романе С. Гандлевского «<НРЗБ>»

Вопросы для обсуждения

1. Творчество и его симулякр как основная проблема романа.
2. Разные модели профессионального поведения главных героев: художник-эстет Виктор Матвеевич Чиграшов и «чиграшововед» Лев Криворотов.
3. Творческая бесплодность как причина бытийной и жизненной несостоятельности Льва Васильевича Криворотова.

История самообмана главного героя

<...> Роман «<НРЗБ>» Гандлевского <...> ставит вопрос о духовной состоятельности современного писателя, а значит, и о будущем нашей литературы, а также выводят нас на проблему очищения, освобождения и укрепления личности современного литератора.

Писатель перестал претендовать на статус первопроходца, первооткрывателя неведомых земель и стран духа. Но тогда кто он?.. Стирание границ между автором и героем в современной прозе – признак переходной литературной эпохи. Писателю необходимо новое самоопределение в ситуации общего духовного кризиса. Вот почему герой произведения близок личности автора. <...> Речь идет даже не о буквальной автобиографичности, а о мировоззренческой автопортретности, символическом выражении автором своих духовных принципов и достижений в образе героя. <...> идейно и/или биографически близкие своим создателям герои <...> Ганд-

левского <...> могут быть восприняты как прямые свидетели духовного неблагополучия современного писательского миро- и самоощущения. <...>.

Литература как невеликая иллюзия. <...> Отсчет писательской жизни Криворотова ведется от понимания литературы как ярмарки тщеславия, распределения мест в литературном процессе. <...> Мораль такова: литература стала одним из путей к иллюзорному «я», видом карьеры, способом занять место под солнцем. <...> Подлость статусной литературной среды в том, что она, как все модное и высоко расцениваемое <...> обществом, очень привлекает людей, готовых принять писательскую судьбу как звание, а не как призвание. Такие люди оказываются в ловушке выбранного ими ложного пути <...> Как раз о таких, успевших на писательский поезд и потерявших себя в беге по разлинованным бумажным путям... пишет в «<НРЗБ>» Гандлевский.

<...> герой Гандлевского откровенно типичен. Криворотов остается в контексте общественных оценок, превращает всю свою жизнь в один из второстепенных моментов литературного процесса. Неоригинальность, зависть к чужому материальному благополучию, потребность в общественной оценке – типичные, если верить Гандлевскому, свойства человека литературной толпы. А отсутствие глубинной творческой способности – его типичная драма.

<...> Криворотов с юных лет мечтает о подслушанной где-то судьбе – быть знаменитым писателем. Он идет к первенству не по своей дороге – и поэтому всюду приходит вторым. Вторичность героя постоянно подчеркивается в романе на самых разных, от творческого до любовного, уровнях. Он добился своего – и оно оказалось чужим. «Место в истории литературы мне обеспечено» – за счет вторичного творчества, «чиграшововедения», которое, как признается герой, в свою очередь близится к самоисчерпанию. Криворотов <...> не творчески «ведает» поэзию Чиграшова. Он просто уцепился за нее как за последний шанс быть принятым в литтусовку. А все потому, что так и не смог освободиться от навязанного себе иллюзорного «я»: я, мол, поэт – и никак иначе.

<...> В критике звучал вопрос: почему Криворотов перестал слагать стихи? <...> Причина тут, мне кажется, очевидная: творческое банкротство

можно было предугадать с самого начала. <...> Талант исчерпала сама жизнь, потекшая не по своему руслу. <...> Иллюзорный Криворотов извращает свое предназначение. От преданности переходит к предательству. Герой предал не Чиграшова – он предал любовь, а тем самым и себя самого. Предал любовь к Ане – в расчетливо-малодушном продолжении связи с Ариной. Предал любовь к Чиграшову – в «шпионских потугах» выбиться «в конфиденты гения», в тщеславном желании использовать его славу для продвижения к своей.

Пустовая В. Новое «я» современной прозы : об очищении писательской личности / В. Пустовая // Новый мир. – 2004. – № 8. – С. 153–173.

У ч е б н о е и з д а н и е

Серебрякова Елена Геннадьевна

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методическое пособие

Подготовка макета Е. С. Котляровой

Подписано в печать 03.06.2020. Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. 2,3. Усл. печ. л. 2,6. Тираж 25 экз. Заказ 80

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. им. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3